

ЧЕРТЫ ИСТОРИЗМА В АРХИТЕКТУРЕ МЕЧЕТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Торцова Ольга Юрьевна,

аспирант кафедры всеобщей истории искусства,
научный руководитель: кандидат искусствоведения, доцент Е. А. Багратиони фон Брандт,
Московский государственный университет им. Ломоносова,
Россия, Москва,
e-mail: olga.tortsova@gmail.com

УДК: 72.036

DOI: 10.47055/1990-4126-2022-4(80)-16

Аннотация

Статья посвящена архитектуре небольшой группы мечетей, построенных в Российской империи в начале XX в. Эту группу составляют три мечети: мечеть в Твери 1906 г., мечеть во Владикавказе 1908 г., мечеть в Петербурге 1916 г. Эти мечети объединяет то, что в их декоре архитекторы обращаются к историческим стилям архитектуры стран ислама. В статье рассматривается процесс обращения к историзму в архитектуре российских мечетей как части общеевропейского процесса по выработке подходов к мусульманскому культовому зодчеству; рассматриваются возможные источники цитирования архитектурных форм и декора российских мечетей, а также причины обращения к тем или иным архитектурным традициям. Основной упор делается на анализе архитектуры фасадов мечетей: во-первых, для того чтобы ограничить объем статьи, во-вторых, потому что у мечетей во Владикавказе и Твери не сохранились подробные зарисовки изначального декора интерьеров, и воссоздать их интерьеры представляется довольно сложной задачей. Данное исследование направлено на то, чтобы показать, какие особенности существовали при обращении к историзму в архитектуре российских мечетей, какие пути развития этой темы были намечены в начале XX в. (однако впоследствии прерваны революцией).

Ключевые слова:

архитектура российских мечетей, исторический стиль, мусульманское культовое зодчество, ориентализм

FEATURES OF HISTORICISM IN THE ARCHITECTURE OF EARLY 20th CENTURY MOSQUES IN THE RUSSIAN EMPIRE

Tortsova Olga Yu.

Doctoral student. Department of Art History,
Moscow State University,
Russia, Moscow,
e-mail: olga.tortsova@gmail.com

УДК: 72.036

DOI: 10.47055/1990-4126-2022-4(80)-16

Abstract

This article is devoted to the architecture of a small group of mosques built in the Russian Empire in the early 20th century. This group consists of three mosques: the 1906 mosque in Tver, the 1908 mosque in Vladikavkaz, and the 1916 mosque in St. Petersburg. The common feature of these mosques is their décor that shows that the architects drew on the historical architectural styles of Muslim countries. References to historicism in the architecture of Russian mosques are considered as part of the pan-European process of deciding how to approach Muslim religious architecture. Possible sources of architectural form and décor citations in Russian mosques and reasons for referring to certain architectural traditions are identified. Emphasis is made on the architecture of the mosque façades considering the limited scope of the article and the fact that detailed drawings for the original interior décor of the mosques in Vladikavkaz and Tver are not available, and it would be rather difficult to recreate their interiors. The study aims to show the specific features of historicism in the architecture of Russian mosques and the evolutionary pathways of this style that were emerging in the early 20th century (interrupted by the 1917 revolution).

Keywords:

architecture of Russian mosques, historical style, Muslim religious architecture, orientalism

Введение

Строительство каменных мечетей¹ в Российской империи началось с конца XVIII века: в 1766 г. императрица Екатерина II дала личное разрешение на строительство двух мечетей в Казани (Первой и Второй соборной) [8, с. 75]. Институты, входившие в систему государственного управления и контроля мусульманской религии, начали оформляться в России с конца XVIII в. 22 сентября 1788 г. Екатерина II подписала указ «Об определении муллы и прочих чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведываниями всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими»², что положило начало существования Оренбургскому магометанскому духовному собранию. Деятельность этого духовного собрания распространялась на все губернии, кроме Таврической³. Таврическое магометанское духовное правление было учреждено 23 января 1794 г.

На протяжении XVIII в. были выработаны законодательные нормы, регламентирующие строительство новых мечетей. В частности, регламентировался архитектурный тип мечети. В 1829 г. вышел указ Министерства внутренних дел № 2902 «О постройке мечетей в татарских деревнях по приложенному образцовому плану»⁴. К данному указу прилагался образцовый чертеж мечети, разработанный Строительным комитетом Министерства Внутренних дел. В 1843 г. Министерством Внутренних дел были опубликованы новые образцовые чертежи мечетей. Образцовый чертеж мечети с минаретом над входом 1843 г. (рис. 1) получил наибольшее распространение на территории Российской империи и определил архитектурную композицию большинства мечетей, возводимых до 1917 г.

Этот проект предполагал строительство прямоугольного в плане здания, перекрытого двускатной крышей. Над центром молитвенного зала располагался небольшой купол, распор которого принимали на себя несущие стены молитвенного зала. Вход и михрабная ниша располагались на одной оси, проходившей через центр молитвенного зала. Над входом в мечеть располагалась цилиндрическая башня минарета. Минарет имел остроконечное завершение и, как правило, обходной балкон в верхней его части. Что касается декоративного оформления фасадов мечети, то в образцовом проекте были изображены стрельчатые окна, имевшие целью придать зданию «восточный облик». Но в целом образцовый проект скорее регламентировал композицию мечети, нежели ее декор.

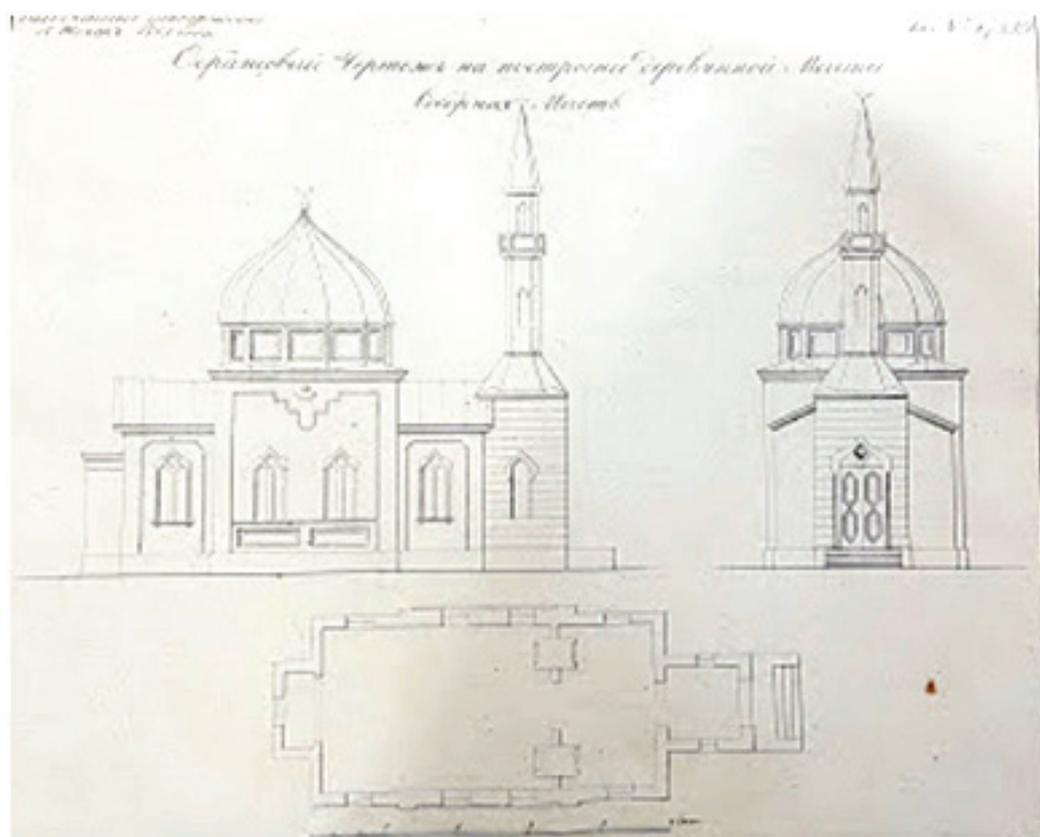

Рис. 1. Образцовый чертеж мечети 1843 г. с минаретом над входом.

Источник: Чертежи к полному собранию законов Российской империи. Собрание (1825–1881). Л. 10.

Большинство мечетей, которые строились по образцовому чертежу, декорировались элементами классицистического декора (карнизы с мутулами, пилястры, рустовка, декоративные консоли в районе окон). Как правило, отличие этих зданий от немусульманских построек заключалось лишь в форме окон (стрельчатых или подковообразных). Примерами могут служить мечети, построенные во второй половине XIX – начале XX в.: Султановская мечеть (1868) и Азимовская мечеть (1890) в Казани, Красная мечеть Томска (1904) и др. Примечательно, что эти мечети строились уже после того, как в 1862 г. был принят указ Государственного совета «О дозволении строить мечети не по одним высочайше утвержденным образцовым планам и фасадам, но и по другим, какие прихожанами будут признаны удобными». Фактически этот указ означал отказ от регламентирования архитектуры мечетей. Тем не менее за двадцать лет своего существования образцовый чертеж прочно вошел в архитектурную практику, и следование ему продолжалось вплоть до 1917 г. Однако в начале XX в. в архитектуре некоторых российских мечетей стали заметны новые черты: появились мечети, в декоре которых начинают превалировать не классицистические элементы, а элементы ближневосточной архитектуры и архитектуры мусульманской Испании. То есть архитекторы начали трактовать мечети в духе историзма, что предполагало и эклектизм, так как декоративные элементы заимствовались из архитектуры разных традиций и периодов мусульманской архитектуры, а также нередко дополнялись классицистическими элементами. Наиболее яркими представителями этой новой группы российских мечетей стали: мечеть Мухтарова во Владикавказе (1908), соборная мечеть в Санкт-Петербурге (1909–1917), а также мечеть в Твери (1906)⁵. Появление этой сравнительно немногочисленной группы мечетей стало частью общеевропейского процесса трактовки архитектуры мечетей в духе историзма, что будет характерно для мусульманского культового зодчества в Европе вплоть до 1980-х гг.

Историзм как подход к созданию архитектурного декора мечетей на Западе сформировался к концу XIX в. и проявил себя уже в первых мечетях, построенных в Европе в Новейшее время (мечеть в Вокинге, парижская мечеть и др.). Считаем необходимым кратко охарактеризовать данный процесс подробнее. Это даст возможность понять, откуда черпали вдохновение российские архитекторы, авторы проектов мечетей в духе историзма.

Историзм в культовой мусульманской архитектуре в Европе: истоки и распространение

Во второй половине XIX в., на волне интереса европейских архитекторов к национальным архитектурным стилям, в их поле зрения попала и мусульманская архитектура. В этот период начала распространяться информация об архитектурных постройках из разных регионов мусульманского мира. Для европейских архитекторов наиболее значимыми источниками вдохновения послужила архитектура средневековой мусульманской Испании, стран Магриба и Египта.

Делу популяризации архитектурных форм мусульманской Испании и Египта способствовало распространение рисунков и чертежей, сделанных британскими и французскими архитекторами, путешествовавшими по Испании и Португалии, Ближнему Востоку. Среди них были Джеймс К. Мерфи, Оуэн Джонс, Паскаль Кост [11, р. 63]. Так, Оуэн Джонс выпустил книгу “Grammar of the Ornament”, где в том числе были представлены орнаменты из стран ислама [12]. Эти публикации, в частности, позволили европейской публике познакомиться с архитектурой и декором эпохи Насридов. Поиме публикаций Оуэн Джонс также воплотил декоративную схему Альгамбры в Хрустальном Дворце в 1851 г., продемонстрировав тем самым, как полихромия мусульманской архитектуры может быть включена в современный контекст.

Известно, что маркиз Фердинанд Хименес посещал Хрустальный дворец в Сайденхеме в 1864 г., также он был знаком с публикациями О. Джонса, посвященными архитектуре и орнаменту Альгамбры [10, р. 467]. Замок Саммеццано в Тоскане, принадлежавший маркизу Хименесу, перестраивался по его собственным проектам в 1853–1885 гг. Архитектурный облик замка Санмеццано стал одним из самых ярких примеров романтического ориентализма на территории Италии. В замке были воспроизведены такие декоративные приемы и элементы из Альгамбры, как характерная полихромная схема, кессонированный потолок, мукарнасные своды, геометрический орнамент и другие элементы. Эта постройка стала одним из ранних примеров так называемого неомавританского стиля, который предполагает воспроизведение архитектурных форм и декора, свойственных архитектуре мусульманской Испании и стран Магриба. Нередко в неомавританских постройках появляются элементы архитектуры, заимствованные из мамлюкского зодчества Египта⁶.

Неомавританский стиль получил широкое распространение в европейских странах. Он использовался для светских построек, также он довольно быстро закрепился в архитектуре европейских синагог. Причины, по которым это произошло, освещены в статье Скотта Лернера «Архитектура, провозглашающая эмансипацию» [15]. Одной из первых синагог, «примеривших» на себя неомавританский декор, стала синагога в Мюнхене. А в 1890 г. В Санкт-Петербурге была построена хоральная синагога также в неомавританском стиле. В России неомавританский стиль представлен несколькими постройками, включающими (помимо хоральной синагоги в Петербурге) особняк Морозова в Москве и Воронцовский дворец в Алушке. Это свидетельствует о хорошем знакомстве российских архитекторов с архитектурными чертежами и зарисовками из Испании, Магриба и Каира. Это неудивительно, потому что именно в Российской Академии Художеств в Петербурге хранится одна из самых больших в мире коллекций слепков и моделей элементов архитектуры дворца Альгамбры [19, р. 553].

Автор этой коллекции – петербургский архитектор Павел Карлович Нотбек. Находясь в Испании в пенсионерской поездке, на протяжении 10 лет он создавал модели и чертежи Альгамбры, чья архитектура поразила его воображение. Впоследствии его коллекция, насчитывавшая почти 300 экспонатов, была выкуплена Академией Художеств и выставлялась там в течение полувека с 1868–1917 гг. [18, р. 239]. Коллекция Павла Нотбека содержала в основном модели интерьерной декорации Альгамбры. На данный момент сложно оценить степень ее непосредственного влияния на российские архитектурные проекты в духе ориентализма. Тем не менее, сам факт наличия такой коллекции в России свидетельствует о безусловно высоком интересе к теме мусульманского Востока со стороны российских архитекторов.

Таким образом, видится вполне закономерным следующий шаг – попытка использовать формы традиционной мусульманской архитектуры и при строительстве мечетей. В Западной Европе увлечение историзмом совпало с первыми проектами каменных мечетей в Новейшее время, поэтому нет ничего удивительного в том, что черты историзма начинают проявляться и в архитектуре ранних европейских мечетей. Так, первая мечеть Великобритании, построенная в Вокинге в 1889 г., сочетает в себе черты могольской и средневековой иранской архитектуры. Берлинская мечеть 1915 г. воспроизводит формы османской архитектуры. Хотелось бы отметить, что вплоть до нынешнего времени на Западе появляются проекты мечетей, трактованные в рамках историзма. В последние годы этот подход является объектом критики со стороны некоторых архитекторов и искусствоведов: авторы проектов в духе историзма обвиняются в культурной апроприации мусульманского наследия и создании эклектичного псевдомусульманского стиля⁷. Тем не менее, эклектичный ориентализм оказался довольно живучим явлением, и многие заказчики строительства мечетей на Западе выбирают именно его.

Черты историзма мечетей Российской империи

В России ситуация с архитектурой мечетей выглядела несколько иначе, чем в Западной Европе. К моменту распространения неомавританского стиля, в Российской империи уже существовала определенная традиция каменного мусульманского зодчества. Сложившийся тип мечети был описан выше – это здание, композиционно следующее за образцовым проектом 1843 г. с преимущественно классицистическим декором. «Романтический ориентализм» не был в состоянии полностью вытеснить эту локальную традицию, но несколько проектов мечетей он затронул. Хронологически первая мечеть, чей декор можно назвать в меньшей степени классицистическим и в большей степени неомавританским, – это тверская мечеть 1906 г (рис. 2), построенная по проекту архитектора Б.Г. Поляка⁸.

Доверенным лицом тверской мусульманской общины в вопросе строительства мечети в был купец Фатих Ибрагимович Алышев [3, с. 13–14]. По одной из версий он предоставил и большую часть средств на ее строительство. Прошение о разрешении строительства мечети, поданное Алышевым, было удовлетворено. К концу 1906 г. мечеть была достроена.

Тверская мечеть – это небольшое прямоугольное в плане здание, перекрытое четырехскатной крышей. Над центром молитвенного зала располагается купол луковичной формы, распор которого переходит на несущие стены. Прямоугольный в плане портал примыкает к основному объему мечети с северной стороны. Высота портала примерно в два раза ниже стен молитвенного зала. Над порталом возвышается цилиндрическое тело минарета, в верхней части которого располагается обходной балкон. Композиционно архитектура следует образцовому чертежу 1843 г. Однако ее декор не ограничивается классицистическими элементами, в нем явно заметно следование неомавританскому стилю. Во-первых, обращает на себя внимание полихромия основного объема мечети и минарета. На фасаде чередуются красные и белые полосы

Рис. 2. Мечеть в Твери. 1906. Арх. Б. Поляк.

Источник: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/9c/Tver_mosque_2019.jpg

и декоративные элементы. Подобная колористическая схема характерна как для отдельных элементов средневековой архитектуры мусульманской Испании, так и для фасадов в постройках мамлюков. Красно-белые фасады были также чрезвычайно популярны в европейских постройках в неомавританском стиле.

Форма цилиндрического минарета, завершающегося маленьким луковичным куполом является (хоть и пропорционально неточной) цитатой из архитектуры мамлюкского Египта. Между карнизом фасада и уровнем крыши расположен узкий фриз, украшенный кирпичным орнаментом, элементы которого напоминают стрельчатые арки. В центральной части этого фриза расположен аркатурный пояс. Аркатурные пояса с подковообразными арками встречаются, например, в архитектуре кордовской мечети и в иных постройках мусульманской Испании (и в других регионах мусульманского мира). Правда, архитектор воспроизводит этот элемент очень приблизительно без того тонкого профилирования, которым отличается мусульманский средневековый декор фасадов.

Нам бы хотелось обратить внимание на любопытный архитектурный элемент тверской мечети: четыре декоративные башенки по углам крыши. Угловые башенки на крыше не встречаются ни в архитектуре мамлюкского Египта, ни в архитектуре Магриба или мусульманской Испании. Откуда в таком случае архитектор мог позаимствовать этот элемент? Эти четыре угловые башенки являются очень распространенным элементом европейских синагог, причем начиная с эпохи барокко. Впоследствии они перекечевали и в архитектуру синагог в неомавританском стиле. Можно предположить, что архитектор Б. Поляк штудировал чертежи неомавританских синагог в поисках цитат средневековой мусульманской архитектуры. И, вероятно, принял эти башенки за традиционный элемент архитектуры стран ислама.

На этом примере мы видим, что цитирование, которое происходило в рамках историзма, на практике оказывалось не всегда точным. И даже могло привести к смешению архитектурных элементов разных конфессий в одном здании. Также хотелось бы обратить внимание на окна второго яруса на фасаде, они имеют форму восьмиконечной звезды, вписанной в окружность. Такие звездчатые окна нередко встречаются в неомавританских памятниках, но не имеют прямо-

го аналога в архитектуре стран мусульманского мира. Дело в том, что в мамлюкской архитектуре есть окна круглой формы, однако для них не характерен орнамент в форме звезды. Звездчатый орнамент (из 12- и 16-конечных звезд) является одним из основных типов орнамента в Альгамбре. И, по мнению исследователей, круглые окна со звездчатым орнаментом являются сплавом орнаментальных мотивов из Альгамбры и готических витражных окон-роз (звездчатые окна в неомавританских памятниках нередко являются витражными) [14, р. 315]. Впервые эти окна появляются в проектах прусского архитектора XIX в. Карла фон Дибшица [14, р. 314].

Остальные декоративные элементы тверской мечети уже не являются цитатами из мусульманской культовой архитектуры: фасады опоясывает карниз с мутулами, обходной балкон минарета поддерживают ступенчатые консоли. Если судить по тяжеловесным пропорциям минарета и неточному воспроизведению декоративных элементов, архитектор впервые экспериментировал с историзмом, не отточив до конца свой стиль. Других построек Б. Поляка мы не знаем, поэтому нет возможности составить мнение о его дальнейших творческих находках. При всей своей некоторой неуклюжести мечеть Твери – это довольно смелая попытка трактовать мечеть в духе историзма: впервые архитектура мечети так явно контрастирует с окружающей ее городской средой.

В 1908 г. на берегу Терека во Владикавказе была построена суннитская мечеть (рис. 3). Она возводилась на средства бакинского мецената Муртузы Мухтарова, поэтому до сих пор неофициально называется мечетью Мухтарова. Для строительства мечети Мухтаров пригласил архитектора Йозефа Плошко [8, с. 148–149]. Йозеф Плошко – архитектор польского происхождения, который обучался в Институте гражданских инженеров в Петербурге, а затем длительное

Рис. 3. Суннитская мечеть во Владикавказе. 1908. Арх. Й. Плошко.
Источник: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g1104731-d6674462-Reviews-Mukhtarov_Mosque_Sunnitskaya-Vladikavkaz_Republic_of_North_Ossetia_Alania_North_.html#/media-atf/6674462/357504762:p/?albumid=-160&type=0&category=-160

время работал в Баку. В Баку Й. Плошко работал в основном в жанре историзма, воспроизводя формы венецианского палаццо во дворце Мухтарова (1912), готической архитектуры в здании Исмаилие (1913), мамлюкской архитектуры в доме братьев Рыльских (1912)⁹. Поэтому достаточно закономерно, что мечеть во Владикавказе архитектор решает в духе историзма.

Мечеть Мухтарова – прямоугольное в плане здание, увенчанное куполом, который имеет характерные для мамлюкской архитектуры вытянутые пропорции. Купол у мечети двойной; узкий барабан внутреннего купола опирается на два ряда тропов, которые передают распор дальше на квадратные в сечении столбы, расположенные в центре молитвенного зала. Между столбами перекинута арка стрельчатой формы. Над углами портала мечети расположены башни минаретов. Форма и пропорции купола и минаретов являются цитированием мамлюкской архитектуры. В декоре мечети архитектор также следует выбранному стилевому направлению, предпочитая красно-белую полихромия фасадов и характерные ступенчатые акротерии, расположенные по всему периметру фасадов. Однако есть элементы, не связанные с архитектурой стран ислама: прямоугольные окна боковых фасадов и, конечно, роскошное готическое окно с балконом, расположенное над входом в мечеть. Большинство бакинских построек Йозефа Плошко цитируют готическую архитектуру, поэтому даже свой проект мечети во Владикавказе он «награждает» готическим окном. Подобный эклектичный подход вполне соответствовал духу историзма: например, в Воронцовском дворце в Алушке также сочетаются готические и неомавританские элементы. В отличие от тверской мечети, которая выглядела скорее как проба пера, мечеть Мухтарова во Владикавказе являет собой полноценный пример историзма в архитектуре мечетей Российской империи.

Безусловно, крупнейшей мечетью в Российской империи, воспроизводящей элементы и декор исторических стилей, является мечеть в Санкт-Петербурге. Конкурс на строительство мечети состоялся в 1906 г., на него было представлено 45 проектов. Жюри конкурса состояло из ведущих архитекторов того времени, в него вошли: Л. Бенуа, А.И. фон Гоген, А. Дмитриев, Ф. Лидваль, А. Померанцев [1, с. 467]. В журнале «Зодчий» в 1908 г. были опубликованы комментарии к 17 проектам, дошедшим до финала, а также представлены рисунки работ, получивших премии [2, с. 135]. Благодаря этому, у нас есть возможность составить представление о том, к каким историческим стилям обращались конкурсанты. Для начала стоит отметить, что все проекты, получившие премии, были решены в духе историзма, что свидетельствует о том, что этот подход виделся к тому времени оптимальным при строительстве мечети. Вероятно, к моменту проведения конкурса строить мечеть по образцовому проекту или с классицистическим декором было своего рода анахронизмом.

Первые премии получили проекты:

- 1) М. Лялевича под названием «А» (рис. 4)
- 2) М. Перетятковича под названием «Мамелюк» (рис. 5)
- 3) Н. Васильева под названием «Тимур» (рис. 6)

Вторая премия была присуждена проекту Н. Васильева «Арабески» (рис. 7) Проект под девизом «А» архитектора М. Лялевича цитирует османскую большую мечеть, на что указывает пологая форма гигантского основного купола и характерная ступенчатая система полукуполов, последовательно принимающих на себя распор центрального купола. Эта конструкция сообщает самому зданию пирамидальную форму, что в целом характерно для построек Синана и его последователей. Возвышающийся же портал-пештак с трехлопастной аркой содержит декоративные элементы, словно набранные из разных исторических эпох. Видимо, за счет такого эклектичного подхода жюри конкурса постановило, что «фасады не имеют характера типичных мусульманских зданий подобного назначения».

Рис. 4. Проект соборной мечети в Санкт-Петербурге. Проект М. Лялевича под названием «А».
Источник: Зодчий. № 15. Приложение, с. 6

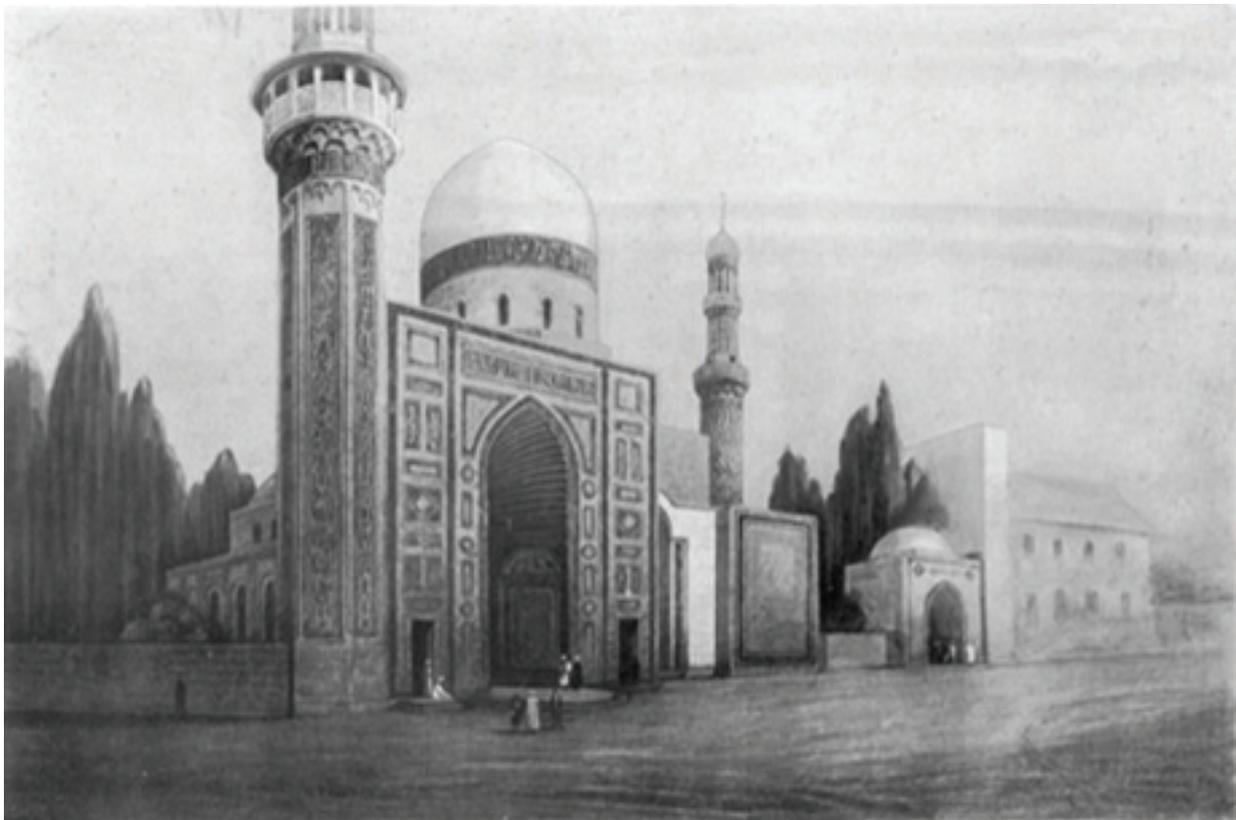

Рис. 5. Проект соборной мечети в Санкт-Петербурге. Проект М. Перетятковича под названием «Мамелюк».
Источник: Зодчий. № 15. Приложение, с. 8

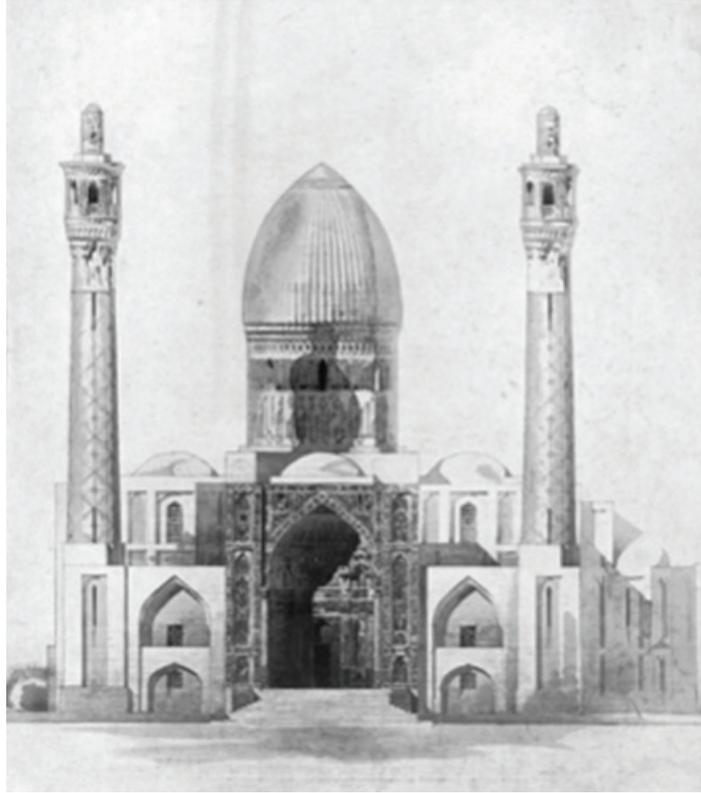

Рис. 6. Проект соборной мечети в Санкт-Петербурге. Проект Н. Васильева под названием «Тимур». Источник: Зодчий, № 15. Приложение, с. 10

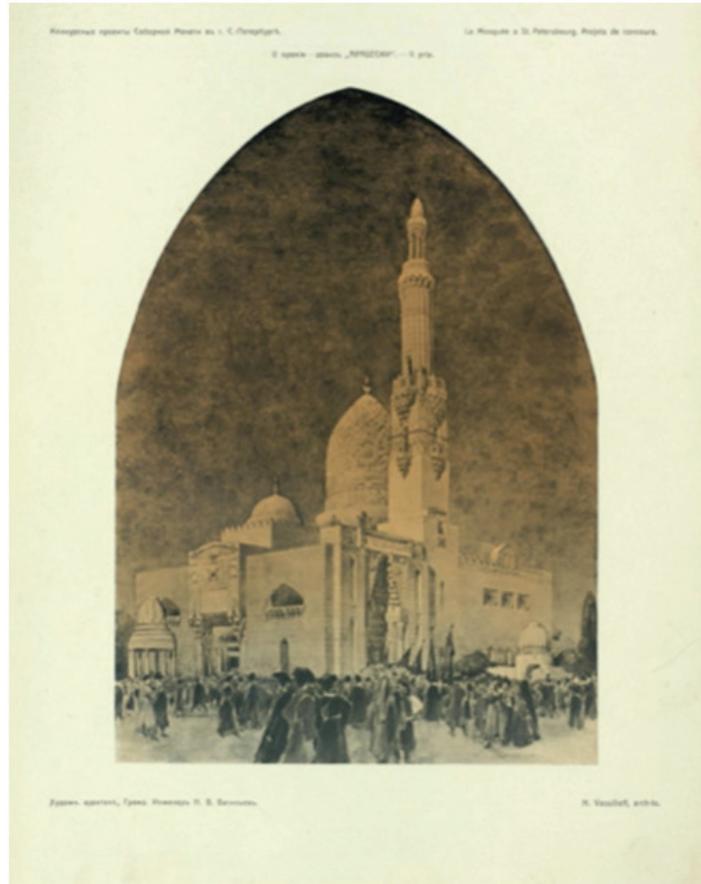

Рис. 7. Проект соборной мечети в Санкт-Петербурге. Проект Н. Васильева под названием «Тимур». Источник: Зодчий, № 15. Приложение, с. 12

Проекты «Мамелюк» и «Арабески» воспроизводят формы архитектуры мамлюкского Египта и мавританской Испании. Это свидетельствует о том, что среди российских архитекторов, как и среди европейских, эти архитектурные формы ассоциировались с мусульманским Востоком, недаром мы встречаем их вновь и вновь в архитектуре российских мечетей. В проектах «Мамелюк» и «Арабески» видны характерные мамлюкские минареты, высокие купола. В то время как проект «Мамелюк» является более эклектичным, «Арабески» архитектора Н. Васильева довольно точно воспроизводит средневековую архитектуру Каира, в архитектуре этой постройки присутствует и портал с мукарнасным сводом, и ступенчатые акротерии, а также двухъярусный барабан купола. Несмотря на то, что проекты «Мамелюк» и «А» получили хорошие отзывы от судей, в финальном этапе конкурса победил проект «Тимур» архитектора Васильева. Этот проект воспроизводил формы и декор мечетей (и мавзолеев) тимуридов в Самарканде и Бухаре. Можно предположить, что за таким решением судей стояла не только и не столько архитектурно-инженерная причина, сколько политическая. Бухарский эмират на тот момент находился в сфере политического влияния Российской империи, будучи в хозяйственной и военной зависимости от нее. Поэтому не удивительно, что для архитектуры главной столичной мечети были выбраны исторический стиль территории, политически связанной с российским государством. (На открытии мечети присутствовал бухарский эмир Сеид-Абдул-Ахад-хан).

Схожие политические причины определяли архитектуру мечетей и в других странах Европы. Так, британская мечеть в Вокинге 1889 г. имеет могольские черты (Индия на тот момент была британской колонией), Парижская соборная мечеть 1926 г. цитирует средневековую архитектуру стран Магриба (страны Магриба находились в сфере влияния французского государства). Надо отметить, что для начала XX в. сами мусульманские диаспоры мало участвовали в выборе архитектурных проектов, поэтому проекты крупнейших мечетей согласовывались, в первую очередь, с государственными органами. Тот факт, что мечеть в Петербурге цитирует исторический стиль региона, находящегося в сфере политических интересов государства, дает возможность говорить об общем для европейских стран этапе развития культового мусульманского зодчества.

На конкурсе на строительство мечети в Петербурге победил проект «Тимур», который после финальных доработок был воплощен в жизнь (рис. 9). Мечеть представляет собой прямоугольное в плане здание, перекрытое плоской крышей. Над михрабной нишей расположен купол на высоком барабане, распор которого переходит на четыре мощные столба в интерьере. Между опорными столбами расположена аркада, опирающаяся на изящные сдвоенные колонны. Мечеть вытянута по северо-южной оси, ее южная стена с михрабной нишей традиционно ориентирована на Мекку. У северной стены мечети расположены две башни минаретов. Из цилиндрических минаретов вырастают тонкие башенки, завершенные ребристыми куполами. Портал, вопреки традиции, расположен не прямо напротив михраба в северной стене здания, а в северной части западного фасада, выходящего на Кронверкский проспект. Формы купола и минаретов довольно точно воспроизводят формы тимуридской архитектуры. Однако портал, помимо своего «неканонического» расположения, имеет еще и нехарактерные размеры. В тимуридской архитектуре используются порталы-пештаки, их высота превышает высоту основного объема мечети. Такие порталы обычно являются частью ансамбля площади или другого открытого пространства. В петербургской мечети использование высокого портала было бы композиционно не оправдано¹⁰, поэтому ее портал включен в основной объем здания. Декоративная схема мечети также цитирует тимуридские образцы: основной декор сосредоточен в районе портала, а также в облицовке купола и завершений минаретов. Нишу портала украшает мукарнасный свод. Портал, как и купол, украшены майоликой с орнаментами, воспроизводящими тимуридский орнаментальный стиль.

Рис. 8. Соборная мечеть в Санкт-Петербурге. Архитекторы: Н. Васильев, С. Кричинский, А. фон Гоген.
Источник: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Источниками для цитирования были непосредственно постройки Самарканда, с которыми российские архитекторы начинают знакомиться со второй половины XIX в. В частности, Стефан Кричинский, работавший вместе с архитектором Васильевым над постройкой петербургской мечети, не только бывал в Самарканде, но и являлся автором проекта дворца бухарского эмира. Поэтому Н. Васильев и С. Кричинский имели возможность знакомиться с архитектурой тимуридов непосредственно, а не только по чужим чертежам и зарисовкам, как это происходило в случае с мамлюкской и испано-мавританской архитектурой. Это объясняет стилистическую достоверность и целостность декора мечети в Петербурге.

В целом российских мечетей, в архитектуре которых цитировались исторические стили, не так много. В данной работе рассмотрена группа из трех мечетей, где черты историзма проявились наиболее ярко: мечеть в Твери (1906), мечеть во Владикавказе (1908) и соборная мечеть в Петербурге (1916). Появление этой группы мечетей свидетельствует о том, что в России в начале XX в. принципы историзма в архитектуре культовых мусульманских построек постепенно набирали популярность. Две из трех описанных мечетей, в первую очередь, ориентированы на цитирование архитектуры мамлюкского Египта и мавританской Испании. Это можно рассматривать как локальное проявление общеевропейской моды на неомавританский стиль, который, выходя за пределы синагог и светских построек, начал проникать и в архитектуру мечетей. На фоне сказанного уникальным примером обращения к архитектуре Средней

Азии эпохи тимуридов является архитектура соборной мечети в Петербурге. Тимуридский стиль на тот момент был практически неизвестен в Западной Европе, в то время как российские архитекторы имели возможность непосредственно вдохновляться архитектурой Бухары и Самарканда. Обращение к этой традиции говорит о своеобразии российского подхода к теме историзма в архитектуре мечетей. Вероятно, если бы развитие мусульманской архитектуры не было прервано революцией, в России сформировался бы свой уникальный тип мечети в духе историзма, который черпал бы вдохновение в традиционном зодчестве мусульманских регионов, входивших в состав Российского государства. Однако в силу исторических обстоятельств этого не произошло. В последние десятилетия происходит возрождение исторического подхода в архитектуре мечетей России. Яркими примерами могут служить, например, мечети Чеченской республики. Однако в качестве источника цитирования в них используется архитектура османской Турции. Рассмотрение дореволюционных мусульманских памятников позволяет расширить и углубить сведения об источниках цитирования, лежащих в основании архитектуры ориентализма. А это, в свою очередь, позволит современным заказчикам и архитекторам глубже ощущать исторический контекст при выборе характера новых мечетей.

Примечания

¹ Все мечети, которые возводились в Российской империи, имели те или иные декоративные элементы, вдохновленные традиционной архитектурой стран ислама. Однако для данной статьи были отобраны только три перечисленные мечети. На наш взгляд, они наиболее ярко представляют архитектуру историзма: архитекторы этих мечетей следуют выбранному архитектурному прототипу не только в отдельных деталях, но и в композиционном решении, в трактовке архитектурных форм купола, минарета, портала. Для сравнения можно рассмотреть, например, богато декорированную Пермскую мечеть 1903 г. С одной стороны, отдельные элементы ее архитектурного декора цитируют мавританскую архитектуру Испании. Но в действительности на фасаде гораздо больше элементов в неорусском стиле. Башня минарета также трактована скорее как колокольня православного храма, ее архитектурные формы не воспроизводят ни одну существующую традицию из стран ислама. Поэтому архитектуру данной мечети нельзя назвать в полной мере ориенталистской. При архитектурном анализе практически всех мечетей, построенных, до 1917 г., мы зачастую будем сталкиваться с ситуацией, когда «восточная» архитектурная составляющая будет значительно приглушена классицизмом или неорусским стилем. Рассматриваемые же в данной статье мечети – это своего рода исключения из данного правила. Их архитектура следует выбранному ориенталистскому направлению.

² Закон 16.710. Об определении муллы и прочих чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведывания всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими // Полное собрание законов Российской империи, собрание. Ч. 1. Т. 22. – С. 1107.

³ Закон 5033. Высочайшее утвержденное Положение о Таврическом Магометанском Духовенстве и подлежащих ведению его делах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1831). Т. 6, ч. 2. – С. 337–345.

⁴ Закон 2902. Указ о постройках мечетей в татарских деревнях по приложенному образцовому фасаду и плану // Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881). Т. 4. С. 378–380.

⁵ При этом в начале XX в. в России продолжали возводиться мечети по образцовому чертежу с классицистическим декором: Минская мечеть 1901 г., Красная мечеть Томска 1904 г., Московская соборная мечеть 1904 г., мечеть Ярославля 1910 г., Белая мечеть Томска 1913 г., Нижегородская соборная мечеть 1915 г. и др. Как видно, удельный вес «классицистических» мечетей в рассматриваемый период был больше.

⁶ Элементы мамлюкской архитектуры стали известны благодаря тому, что европейские архитекторы участвовали в строительстве Суэцкого канала. Приехав в Каир, они зарисовывали местные постройки, а потом эти зарисовки привозили с собой в Европу. В некоторых источниках можно отследить, что здания, воспроизводящие в духе историзма некоторые формы мамлюкской архитектуры, называются неомамлюкскими (а не неомавританскими). Однако, в силу эклектизма этих построек, достаточно сложно соотносить их с конкретным историческим прототипами (египетским или испанским). Поэтому на данный момент термин «неомавританский» является более широким и объединяет все случаи, когда архитекторы обращаются к формам средневековой архитектуры мусульманской Испании, Магриба и мамлюкского Египта.

⁷ Подробнее об этой полемике можно прочитать: Roose E., *The Myth of the Orientalist Mosque. Towards an Iconography of Islamic Architecture in the Netherlands*, in *Canadian Journal of Netherlandic Studies* 2012/2013, no. 2/1, p. 85–90.

⁸ Информации об архитекторе тверской мечети практически не сохранилось, в архивных документах Тверского архива указано только, что это был младший архитектор Б.Г. Поляк (ГАТО, фонд 466, оп. 1, ед. хр. 84512). В списке учащихся на втором курсе Института Гражданских инженеров в Петербурге значится Берка Поляк, выпускник минского реального училища. Возможно, это и есть Б. Г. Поляк, автор проекта тверской мечети. О других постройках этого архитектора ничего не известно. См.: Личный состав, распределение учебных занятий и проч. сведения... / Ин-т гражд. инж. имп. Николая I. СПб., 1890–1916. На 1895/96 учебный год. 1895. С. 36

⁹ Jozef Ploszko. Источник: <http://www.polonia-baku.org/pl/ploszko.phtml>

¹⁰ Портал мечети выходит не на площадь, а на проспект.

Библиография

1. ГАТО (Государственный Архив Тверской области). Фонд 466. Оп. 1. Ед. хр. 84512
2. Полное собрание законов Российской империи: Собрание (1825–1881). – Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1885.
3. Личный состав, распределение учебных занятий и проч. сведения... / Ин-т гражд. инж. имп. Николая I. – Санкт-Петербург, 1890–1916. (на 1895/96 учебный год). 1895.
4. Конкурс на составление эскизного проекта здания соборной мечети въ г. С.-Петербургу // Зодчий. 45. 1907. С. 467-468.
5. Отзывъ комисіи судей по конкурсу на составление эскизного проекта здания соборной мечети въ С.-Петербургу // Зодчий. 15. 1908. С. 135–138.
6. Батыргарей, Ф. Татары в Тверском крае : (историко-этнографический очерк).– Тверь : Альба Плюс, 2005. – 68 с.
7. Исаченко, В.Зодчие Санкт-Петербурга XVIII–XX веков.– Москва : ЛитРес, 2010. – 320 с.
8. Лисовский, В. Николай Васильев; от модерна к модернизму. – Санкт-Петербург: Коло, 2011. – 427 с.
9. Халит, Н. Мечети средневековой Казани. – Казань: Татарское кн. изд-во, 2011. – 183 с.
10. Халит, Н. Стили и формы татарской архитектуры Казани второй трети XVIII – начала XX в.: историко-архитектурное исследование. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – 391 с.
11. Червонная, С. Современная мечеть: отечественный и мировой опыт Новейшего времени. – Варшава: Польский ин-т исслед. мирового искусства; Toruń: Тако, 2016. – 478 с.
12. Червонная, С. Стефан Кричинский (1874–1923): его вклад в архитектуру Петербурга и других городов России начала XX века. In: Sztuka Europy Wschodniej, tom VI, 2019. – С. 41–82.
13. Braga, V. Revisiting the Alhambra. Transmediality and in the 19th-century Italy. in: Giese F. (eds. (Mudejarismo and Moorish Revival in Europe. Brill. – Pp. 463–490.
14. Giese, F. Reassessing the Moorish revival in 19th-century Europe. in: Giese F. (eds.(Mudejarismo and Moorish Revival in Europe. Brill. – Pp. 59–81.
15. Jones, O. The Grammar of Ornament. London: Day and Son, 1856. – 106 p.
16. Kaher, a I. Deconstructing the american mosque. Deconstructing the American Mosque: Space, Gender, and Aesthetics.– Austin: University of Texas Press, 2008. – 208 p.
17. Keller, S. Oriental carpets and gothic windows. Stained glass in Neo-Moorish architecture. in: Giese F. (eds.(Mudejarismo and Moorish Revival in Europe. Brill. – Pp. 303–327.
18. Lerner, S. The Narrating Architecture of Emancipation. Jewish Social Studies 6, no. 3 (2000).– P. 1–30.
19. Roose, E. The Myth of the Orientalist Mosque. Towards an Iconography of Islamic Architecture in the Netherlands. Canadian Journal of Netherlandic Studies 2012/2013, no. 2/1. – P. 83–106.
20. Saleem, S. The British Mosque: An Architectural and Social History. Swindon: Historic England, 2018. – 304 p.

21. Savinova, E., Kaufmann K., Braga V. Learning from Casts and Models. Schools and Academies in 19-century Europe and the Specific case of the Alhambra collection in St.Petersburg. in: Giese F. (eds.) *Mudejarismo and Moorish Revival in Europe*. Brill. – P. 235–269.
22. Savinova, E. Catalogue of 19th-century Alhambra casts and models at the Scientific-Research museum of the Russian Academy of Arts in St.Petersburg. in: Giese F. (eds.) *Mudejarismo and Moorish Revival in Europe*. Brill. – P. 553–599

References

1. National Archive of Tver Region. Fund 466, op. 1, item 84512 (in Russian)
2. Full collection of legal acts of the Russian Empire: Collection (1825–1881). Saint-Petersburg: 1885. (in Russian)
3. Personnel, study plans, etc. Institute of Civil Engineers. Saint-Petersburg, 1890–1916. (for 1895/96 academic year). 1895. (In Russian)
4. Competition for the conceptual design of a congregational mosque in Saint-Petersburg. (1907) *Zodchii*, 45, pp. 467–468. (in Russian)
5. Opinion of the jury on the competition for the conceptual design of a congregational mosque in Saint-Petersburg (1908). *Zodchii*, 15, pp. 135–138. (in Russian)
6. Batyrgarey, F. (2005) *Tatars in Tver region*. Tver: Alba Plus. (in Russian)
7. Isachenko, V. (2010) *The 18th–20th century architects of Saint-Petersburg*. Moscow: Litres. (in Russian)
8. Lisovsky, V. (2011) *Nikolay Vasilyev: from Arts Nouveau to Modernism*. Saint-Petersburg: Kolo. (in Russian)
9. Halit, N. (2011) *The mosques of medieval Kazan*. Kazan: Tatar book publishing house. (in Russian)
10. Halit, N. (2014) *Styles and forms of Tatar architecture in Kazan in the second third of the 18th – early 20th century*. Kazan: Tatar book publishing house. (in Russian)
11. Chervonnaya, S.M. (2016) *Modern mosque: Russian and worldwide examples in the modern times*. Warsaw: Polish Institute of World Art Studies; Toruń: Tako. (in Russian)
12. Chervonnaya, S.M. Stefan Krichinski (1874–1923): His contribution to the architecture of Saint-Petersburg and other Russian cities. In: *Sztuka Europy Wschodniej*, tom VI, 2019. S. 41–82. (in Russian)
13. Braga, V. (2021) Revisiting the Alhambra. Transmediality and Transmateriality in 19th-century Italy. In: Giese, F. (ed.) *Mudejarismo and Moorish Revival in Europe*. Leiden; Boston: Brill, pp. 463–490.
14. Giese, F. (2021) Reassessing the Moorish revival in 19th-century Europe. In: Giese, F. (ed.) *Mudejarismo and Moorish Revival in Europe*. Leiden; Boston: Brill, pp. 59–81.
15. Jones, O. (1856) *The Grammar of Ornament*. London: Day and Son.
16. Kahera, A.I. (2008) *Deconstructing the American Mosque: Space, Gender, and Aesthetics*. Austin: University of Texas Press.
17. Keller, S. (2021) Oriental carpets and gothic windows. Stained glass in Neo-Moorish architecture. In: Giese, F. (ed.) *Mudejarismo and Moorish Revival in Europe*. Leiden; Boston: Brill, pp. 303–327.
18. Lerner, S. (2000) The Narrating Architecture of Emancipation. *Jewish Social Studies*, 6, No. 3, pp. 1–30.
19. Roose, E. (2012/2013) The Myth of the Orientalist Mosque. Towards an Iconography of Islamic Architecture in the Netherlands. *Canadian Journal of Netherlandic Studies*, No. 2/1, pp. 83–106.
20. Saleem, S. (2018) *The British Mosque: An Architectural and Social History*. Swindon: Historic England.

21. Savinova, E., Kaufmann, K., Braga, V. (2021) Learning from Casts and Models. Schools and Academies in 19-century Europe and the Specific Case of the Alhambra collection in St.Petersburg. In: Giese, F. (ed.) Mudejarismo and Moorish Revival in Europe. Leiden; Boston: Brill, pp. 235–269.
22. Savinova, E. (2021) Catalogue of 19th-century Alhambra casts and models at the Scientific-Research museum of the Russian Academy of Arts in St.Petersburg. In: Giese, F. (ed.) Mudejarismo and Moorish Revival in Europe. Leiden; Boston: Brill, pp. 553–599.

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция - на тех же условиях»).
4.0 Всемирная

Дата поступления: 31.08.2022